врагомъ супружника своего, яко Самъпсона Далида убійственнаа, яко Тиндарида съжителя своего, храбраго ироя. Кая убо щенца кормящіа львица дрѣзну таковаа, или кій тигропардусъ, *или злогнѣвнаа мечка? Обтекоша* же Фоку *слѣдящеи пси и обрѣтоша его на худѣ лежаща долу леганіи, и убиваютъ его немилостивно, имуща въ устѣхъ божественнаа словеса, и кровь убо течаше праведнаго по земли, яко Авеля древле* отъ руку братоубійственную Каинову, и къ богу възпущаше вопля плачевныа.

щася и *зло мыслитъ* с ними *на* господина своего. И по некоемь времѣни *отаи* приводитъ ихъ *к ложу* его *и предает его* в руцѣ *врагом супружника своего, яко Сампсона Далида и яко убивственная Тиндарида сожителя своего, храбраго героя. Кая убо щенца кормящая львица дерзну* когда *таковая* сотворити *или* кая *злогнѣвная мечка* сице содѣя? *Втекоша* убо убиіцы ониі окаянниі Кучковичи со оружіемь к нему, яко *следящіи пси и обрѣтают его на худе лежаща долу леганиі, убивают*[1] *его немилостивно, имуща во устех божественная словеса, и кровь убо течаше по земли праведного, яко дрѣвлѣ Авелева.*

Русскому автору почувствовалась драматическая параллель между двумя средневековыми происшествиями, в известной степени сходными. Он перенес поэтические строки Манассии в свою повесть о Москве, но не смог, по традиции, воспользоваться эротикой. Любовный элемент, к полной неясности рассказа, был опущен. Толчок развитию этого мотива, однако, был дан и нашел себе полное отражение в другой повести — новелле, которая, порвав с аскетической традицией, разработала взаимоотношения героев исключительно на любовной канве.

Повесть кончается заключением. — В 7684 (1176) пришел из Киева во Владимир брат убитого, князь Михаил Юрьевич, предал смерти убийц, тела бросил в озеро, а сноху приказал повесить на воротах и расстрелять из многих луков. На великом княжении он пробыл год и скончался. — Далее в списках идут летописные записи, начинающиеся с княжения Всеволода, и повесть или вливается в общее содержание хронографического сборника, или выделяется в самостоятельное целое. В последнем случае заключительные летописные заметки группируются около рода Андрея Боголюбского и доводятся до Ивана Калиты включительно.

[1] Перед «убивають» — дата: «в лѣто ҂ѕхпг июня въ кд-е».